

ПРОКЛЯТИЯ АЗАЗЕЛЯ¹ В ОТКРОВЕНИИ АВРААМА

...И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, таким образом: его правая рука поверх его левой руки. И исповедует над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их; и возложит их на голову козла с явной и открытой клятвой великим и славным Именем.

Таргум Псевдо-Ионафана на Лев., 16:21

ВВЕДЕНИЕ

Во второй части Откровения Авраама, иудейского апокрифического источника, созданного в первые века н. э., говорится о вознесении к небесной Святой святых героя, имя которого отражено в названии этого произведения. Во время этого небесного путешествия Авраам и его небесный попутчик Иаоил встречают странное демоническое существо, а именно падшего ангела Азазеля, который предпринимает попытки помешать им, предупреждая патриарха об опасностях, которые могут подстергать смертное создание, осмелившееся на восхождение к вышним Божьим обителям. В ответ на возражения Азазеля Иаоил осуждает и проклинает падшего ангела. Неоднократно отмечалось,

¹ Перевод с английского языка выполнен Ириной Колбутовой по публикации: A. Orlov. The Curses of Azazel // A. Orlov. Divine Scapegoats: Demonic Mimesis in Early Jewish Mysticism. Albany: SUNY, 2015. P. 9–36.

что проклятия, наложенные на Азазеля, имеют отношение к ритуалу храмового служения². В общем контексте культовых традиций, встречающихся в славянском апокрифе, пронизанном мотивами, связанными с ритуалами праздника *Йом Кипур*, формулы проклятия, изреченные ангелом Иаоилом, который представлен в нашем тексте как служитель небесного храма, по-видимому, имеют отношение к проклятиям, налагаемым на козла отпущения первосвященником в День Искупления. Так, некоторые исследователи высказывали предположение, что падший ангел с его говорящим самим за себя именем Азазель представлен в славянском апокрифе в качестве небесного козла отпущения, предназначенного для того, чтобы взять на себя грехи и проступки Авраама и унести их с собой в изгнание. Данная глава посвящена исследованию природы этих проклятий Азазеля и их роли в общем священническом контексте рассматриваемого славянского апокрифа.

Проклятия Азазеля в главах 13-й и 14-й Откровения Авраама

В результате предварительного анализа соответствующих отрывков из Откровения Авраама можно сделать вывод о том, что проклятия, налагаемые на небесного козла отпущения, относятся к двум основным группам: (1) проклятия, налагаемые на Азазеля непосредственно Иаоилом, о которых говорится в главе 13, и (2) подтверждение этих священнических ритуальных формул, изреченных в процессе наставления Авраама при его обучении ангелом, содержащееся в главе 14.

² См.: Fletcher-Louis. *The Revelation of the Sacral Son of Man*. P. 282; Orlov. *Eschatological Yom Kippur in the Apocalypse of Abraham*. Part I. *The Scapegoat Ritual*. P. 79–11.

ГЛАВА 13-Я: ПРОКЛЯТИЯ,
НАЛАГАЕМЫЕ ИАОИЛОМ

В Отк. Авр., 13:6–12 описание загадочной встречи небесного первосвященника Иаои́ла и небесного козла отпущения Азазеля представлено следующим образом:

И сказал ему: «Негоже тебе, Азазель, потому что доля Авраама на небесах, а твоя на земле. Потому что ты избрал ее и полюбил обитель скверны своей. Поэтому Превечный Сильный Владыка сделал тебя жителем земли. Из-за тебя существует злой дух лжи, и из-за тебя гнев и напасти на поколениях неправедных людей. Потому что не допустил Превечный Сильный праведным быть телом в твоей власти, для того чтобы укрепилась ими праведная жизнь и гибель неправедности. Слушай, Советник, ты будешь посрамлен мной, потому что не всех праведников дано тебе испытывать. Отойди от этого человека! Ты не сможешь соблазнить его, потому что он враг тебе и тем, кто следует за тобой, и любит то, что ты пожелаешь. Вот одеяние, которое на небесах раньше было твоим, отложено для него, а тлен, который был в нем, перейдет на тебя»³.

В свете вышеупомянутых связей со священническим контекстом, которыми отмечен образ Иаои́ла, можно предположить, что его обращение к падшему ангелу, носящему имя козла отпущения, имеет ритуальный смысл, так как в словах ангела содержатся намеки на культовые действия, совершаемые первосвященником в День Искупления. Кроме того, некоторые термины в этом отрывке напоминают техническую терминологию ритуала, совершаемого во время праздника *Йом Кипур*.

³ Кулик. Откровение Авраама... С. 243.

Важный аспект этого повествования также состоит в том, что в обращении Иаои́ла к Азазелю содержатся изречения, напоминающие проклятия, которые налагались на козла отпущения в процессе обряда великого искупления⁴. Одно из таких изречений содержится в тексте Отк. Авр., 13 (приведенном выше), где перенесение грехов патриарха на небесного козла отпущения совпадает с приказанием уйти. Исследователи отмечали, что это обращение напоминает раннюю формулу наложения проклятия на животное, совершавшегося во время церемонии праздника *Йом Кипур*. В *Мишна, Йома*, 6:4 говорится:

...И они вымостили путь для него из-за вавилонян, которые обычно тащили из него шерсть с криком «Возьми [наши грехи] и уходи! Возьми [наши грехи] и уходи!»⁵

В этом тексте из *Мишны* содержатся два культовых мотива: (1) передача грехов («возьми [наши грехи]») и (2) приказание уйти («уйди»). В Откровении Авраама представлено очень похожее сочетание мотивов, поскольку перенесение грехов на Азазеля⁶ («а тлен, который был в нем, перейдет на тебя») совершается одновременно с приказанием уйти («Отступи от мужа сего!»). Стоит отметить при этом, что в отличие от традиции, нашедшей

⁴ Более подробно об этом см.: Fletcher-Louis. *The Revelation of the Sacral Son of Man*. P. 282.

⁵ Danby. *The Mishnah...* P. 169.

⁶ О традициях перенесения грехов на козла отпущения см.: S. Finlan. *Problems with Atonement: The Origins of, and Controversy About, the Atonement Doctrine*. Collegeville, MN: Liturgical Press, 2005. P. 45; Grabbe. *The Scapegoat Tradition: A Study in Early Jewish Interpretation*. P. 157; Helm. *Azazel in Early Jewish Tradition*. P. 223; J. Milgrom. *Leviticus 1–16: A New Translation with Introduction and Commentary*. AB, 3; New York: Doubleday, 1991. P. 1041.

отражение в *Мишне*, в славянском апокрифе формула приказа уйти не следует за ритуалом перенесения грехов, а предшествует ему.

Дополнительные мотивы, связанные с темой перенесения грехов на козла отпущения, можно обнаружить в Отк. Авр., 13:7 и 13:11, где Иаоил представлен упрекающим и посрамляющим Азазеля. Более того, его изречения, возможно, связаны с ритуальными проклятиями, налагаемыми на козла отпущения.

ГЛАВА 14-Я: ПРОКЛЯТИЯ В НАСТАВЛЕНИЯХ ИАОИЛА АВРААМУ

После того как в главе 13-й Иаоил наложил свои проклятия на Азазеля, этот великий ангел затем дает Аврааму наставления, также включающие в себя ритуальные проклятия по поводу того, как обращаться с козлом отпущения. Некоторые из этих высказываний также следует рассматривать в их соотношении с характерными чертами священнического контекста этой части славянского апокрифа. Исследователи уже высказывали предположение, что в Откровении Авраама Иаоил, по-видимому, играет роль старшего служителя храмового культа, объясняющего и показывающего ритуалы младшему служителю, а именно Аврааму⁷. Такое соотношение наставлений учителя и действий ученика можно обнаружить уже в начале апокалиптической части текста, где патриарх в точности следует указаниям его ангельского наставника в процессе приготовления жертв⁸. Подобного рода мотив священнического наставления, где за указаниями наставника следует исполнение обряда учеником, также можно

⁷ См.: Harlow. *Idolatry and Alterity: Israel and the Nations in the Apocalypse of Abraham*. P. 314.

⁸ Об этом см.: *Ibid.*

обнаружить в описании ритуала, в котором козел отпущения отсылается прочь. В Отк. Авр., 14:1–5 содержится описание того, каким образом после своего собственного ритуального проклятия Азазеля ангел затем наставляет Авраама в премудростях ритуала изгнания козла отпущения:

И сказал мне ангел: «Авраам!» И я сказал: «Вот я, раб твой!» И он сказал: «Знай отныне, что избрал тебя Превечный, которого ты полюбил.

Не бойся и одолей оскорбляющего истину так, как я повелю тебе. Иначе я не смогу посрамить того, кто распространяет на земле тайны небес и кто сговаривался против Сильного. Скажи ему: «Да станешь ты головней печи земной! Иди, Азазель, в непроходимые земли! Власть твоя — над теми, кто с тобой, над людьми, рождающимися со звездами и облаками, доля которых — ты и которые через твое бытие существуют. А праведность — враг твой. Потому исчезни от меня через собственную гибель!»

И я сказал слова, которым он научил меня (Отк. Авр., 14:1–5)⁹.

В этом наставлении ангела также содержится намерение еще больше низложить и унижить павшего ангела, наделенного ролью козла отпущения, представляя его врагом праведности и проклятым созданием, предназначенным для гибели в нижних обиталищах.

Важно также отметить присутствие в этом тексте формул изгнания ритуального животного, подобных тем, которые могут быть найдены в вышеупомянутом тексте *Мишны*. Более того, эти приказания уйти в рассматриваемой нами главе звучат даже еще более решительно, чем в главе 13-й, так как в 14-й главе присутствуют такие приказания,

⁹ Кулик. Откровение Авраама... С. 243.

как «иди» или «исчезни от меня» («буди от мене исчезль»).

Описание ритуала козла отпущения в *Мишна, Йома*, 4:2 свидетельствуют о том, что в обязанности первосвященника входило указание козлу отпущения на направление его изгнания, по-видимому, с целью показать ему его предназначение. Так, в *Мишна, Йома*, 4:2 говорится: «Он повязал пурпурную шерстяную ленту на голове козла отпущения и повернул его в том направлении, в котором он должен быть отослан...»¹⁰ Подобного рода традиция указания козлу отпущения на место его будущего изгнания, возможно, нашла свое отражение и в славянском апокрифе в виде указания небесного первосвященника Иаои́ла Азазелью на место его будущего пребывания: «Иди, Азазиль, въ непроходна земли». Слово «непроходна»¹¹ очень важно в данном контексте, так как оно означает место, непригодное для обитания человеческих существ, напоминая о словоупотреблении, использованном в Лев., 16, где о козле отпущения говорится, что его отправляют «в землю непроходимую» «в пустыню»¹². Объясняя такую терминологию, Джейкоб Мильгром отмечает, что «цель изгнания козла в пустыню состоит в удалении его из сферы человеческого обитания»¹³. В более поздней экзегетической традиции также часто подчеркивается этот мотив «удаления» в контексте обряда изгнания козла отпущения¹⁴. К примеру, в сочинении «Об особых законах», I.188, Филон

¹⁰ Danby. The Mishnah... P. 166.

¹¹ Philonenko-Sayar and Philonenko. L'Apocalypse d'Abraham... P. 68.

¹² Лев., 16:22: «и понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую, и пустит он козла в пустыню».

¹³ Milgrom. Leviticus 1–16... P. 1045.

¹⁴ См.: Вавилонский Талмуд, *Йома*, 67б.

Александрийский объясняет, что козел был послан «...в непроторенную и заброшенную пустыню, с проклятиями на спине, которые были наложены на грешников, ныне очищенных благодаря обращению к лучшей жизни, а также их послушанию, приобретенному ныне, которым они смыли свое древнее непослушание закону»¹⁵.

Повторение Авраамом слов, услышанных от Иаоила в заключительных фразах приведенного отрывка из главы 14, по-видимому, стоит в одном ряду с нашими прежними предположениями о том, что Авраам представлен в этом тексте в образе ученика священника, получающего наставления от своего великого учителя, а затем применяющего свои знания на практике при изгнании козла отпущения.

Алая повязка на козле отпущения и одеяния Азазеля

Ранее было отмечено, что в Откровении Авраама многие аспекты обряда изгнания козла отпущения подверглись переосмыслению с учетом многозначительной эсхатологической символики, с помощью которой в смысл земных атрибутов жертвенного животного приносились новые апокалиптические мотивы. Этот глубинный смысловой сдвиг оказал свое влияние на восприятие некоторых отличительных признаков козла отпущения, в частности пурпурной ленты, которой, согласно традициям, была повязана голова животного, участвовавшего в ритуале храмового культа, посвященного празднику *Йом Кунур*. В контексте сложного переплетения мотивов, отражающих апокалиптическое

¹⁵ Philo. 10 vols.; LCL; trs. F. H. Colson and G. H. Whitaker. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1929–1964. Vol. 7. P. 207.

переосмысление традиционных обрядов в славянском апокрифе, эта символическая повязка на голове животного превратилась в его греховное облачение¹⁶.

РАННИЕ ИУДЕЙСКИЕ И ХРИСТИАНСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ПУРПУРНОЙ ЛЕНТЕ

Происхождение символизма образа алой повязки покрыто мраком тайны¹⁷. В раввинистических текстах символика пурпурной ленты часто связывается с библейским высказыванием из Ис., 1:18: «Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю; если будут красны, как пурпур, — как волну убелю»¹⁸. Использование этого текста указывает на то, что лента была предназначена служить доказательством совершившегося прощения грехов Израиля путем изменения ее цвета с красного на белый, что представляло собой культовое событие огромной важности. В некоторых текстах *Мишны* можно обнаружить свидетельства того, что во время обряда праздника *Йом Кипур* пурпурная лента, привязанная к скале или к двери храма, становилась белой, как только козел приходил в пустыню, исполняя таким образом пророчество Исаии¹⁹.

Хотя в описаниях обряда изгнания козла отпущения в Книге Левит лента на культовом животном

¹⁶ О важности символики одеяний в обряде с козлом отпущения см.: A. Dorman. «Commit Injustice and Shed Innocent Blood»: Motives behind the Institution of the Day of Atonement in the Book of Jubilees // *The Day of Atonement: Its Interpretation in Early Jewish and Christian Traditions* / Eds. T. Hieke and T. Nicklas. TBN, 15. Leiden: Brill, 2012. P. 57.

¹⁷ О возможных месопотамских корнях символики алой ленты см.: I. Zatelli. *The Origin of the Biblical Scapegoat Ritual: The Evidence of Two Eblaite Texts*. VT. 1998. N 48. P. 254–263.

¹⁸ Ср.: Stemberger. *Yom Kippur in Mishnah Yoma*. P. 133.

¹⁹ Stemberger. *Yom Kippur in Mishnah Yoma*. P. 133.

не упоминается вовсе, в более поздних иудейских и христианских источниках можно обнаружить множество свидетельств о роли и значении данного предмета. Так, в ряде текстов *Мишны*, в том числе в *Мишна, Йома*, 4:2, 6:6 и 6:8, упоминается алая лента²⁰. В качестве примера подобного рода традиции можно привести текст из *Мишна, Йома*, 4:2:

Он повязал пурпурную шерстяную ленту на голове козла отпущения и повернул его в том направлении, по которому он должен быть изгнан; и [он повязал ленту] на шее козла, который должен быть заколот²¹.

В этом тексте представлен первосвященник, помечающий двух главных животных для совершения обряда праздника *Йом Кипур*, предназначеная одного козла для Яхве, а другого в качестве козла для Азазеля.

Подобного рода традиция, связанная с символизмом пурпурной шерсти, получает более детальное объяснение в *Мишна, Йома*, 6:6, где говорится следующее:

Что он сделал? Он разделил пурпурную шерстяную ленту и привязал одну половину к скале, а другую половину повязал между его рогами и толкнул его сзади; и он покатился вниз, и, достигнув середины холма, козел вдребезги разбился. Он вернулся и сел под последней палаткой до наступления ночи. А с какого времени его одеяния нечисты? После того, как он покинул стены Иерусалима. Р. Шимон сказал: С того момента, как он толкает его в ущелье²².

²⁰ См. также: *Мишна, Шкалим*, 4:2; *Мишна, Шабат*, 9:3.

²¹ Danby. *The Mishnah*... P. 166.

²² *Ibid.* P. 170.

В то время как в *Мишна, Йома*, 4:2 представлено описание начала ритуала, где козел отпущения избирается жребием, а затем отмечается пурпурной лентой, в *Мишна, Йома*, 6:6 говорится о завершении этого обряда, его кульминационном моменте, когда храмовые служители сталкивали козла отпущения вниз с утеса. Особенно примечателен тот факт, что перед окончанием обряда повязка была временно удалена с козла отпущения. После этого одна половина ленты привязывалась к скале, а другая возвращалась на голову козла, прежде чем животное в конце концов сбрасывали в бездну. Некоторые дополнительные детали этого обряда можно найти в *Мишна, Йома*, 6:8, где говорится следующее:

Р. Ишмаэль сказал: Нет ли у них также другого знака? — пурпурная шерстяная лента была привязана к двери храма, а когда козел удалялся в пустыню, лента становилась белой; ибо написано: Если будут грехи ваши, как багряное, — как снег убелю²³.

В отличие от предания, содержащегося в *Мишна, Йома*, 6:6, здесь говорится о том, что пурпурную ленту необходимо привязывать не к скале, а к двери храма. Более того, пурпурная шерсть в этом тексте, по-видимому, понимается как своего рода совокупность человеческих грехов, которые козел отпущения должен унести в пустыню. После того как это бремя благополучно удалялось из человеческой ойкумены, нить меняла свой цвет с красного на белый.

В сочинениях ранних христианских экзегетов также можно обнаружить знакомство с преданием о пурпурной ленте, служащей атрибутом храмового культа. К примеру, в Послании Варнавы говорится

²³ Ibid. P. 170.

об алой ленте с использованием терминологии, похожей на ту, которая засвидетельствована в текстах *Мишны*²⁴.

В послании Варнавы, 7:6–11 священник оборачивает кусок алой шерсти вокруг головы козла отпущения, а затем тот, кто сопровождает козла в пустыню, удаляет шерсть и помещает ее на ежевичный куст²⁵. Такое описание соответствует как *Мишна*, *Йома*, 4:2, где совершающий обряд священник оборачивает шерстяной пурпурной лентой голову козла отпущения в начале ритуала, так и *Мишна*, *Йома*, 6:6, где исполняющий обряд изгнания козла храмовый служитель разделяет пурпурную шерстяную ленту в конце ритуала и привязывает одну ее половину к скале.

У другого раннего христианского автора, Тертуллиана, также обнаруживается знакомство с преданием о помещении алой ленты на голову козла отпущения²⁶.

Как автор Послания Варнавы, так и Тертуллиан используют символизм пурпурной ленты, того же самого образа, который получает свое новое осмысление и в реинтерпретации, обнаруживаемой и в Откровении Авраама.

В сочинениях Ипполита Римского также содержится свидетельство знакомства с преданиями об алой шерсти, повязываемой на козла отпущения. В сохранившемся отрывке из Катен

²⁴ Сравнительный анализ символики алой ленты в Послании Варнавы и в *Мишне* см. в: O. Skarsaune. *The Proof from Prophecy: A Study in Justin Martyr's Proof-Text Tradition: Text-Type, Provenance, Theological Profile*. NovTSup, 56. Leiden: Brill, 1987. P. 308.

²⁵ *The Apostolic Fathers* / Ed. B. D. Ehrman; LCL 24-25; 2 vols. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2003. Vol. 2. P. 39.

²⁶ См.: Stökl Ben Ezra. *The Impact of Yom Kippur on Early Christianity...* P. 157.

на Книгу Притчей Соломоновых говорится следующее:

И козел как вожак стаи,
 Поскольку, как говорится, это
 Тот, кто был отдан на заклание за грехи мира
 И предложен в жертву,
 И послан к язычникам в пустыню,
 И увенчан алой шерстью на голове неверных,
 И отдан во искупление за людей,
 И явился как жизнь для всех²⁷.

Таким образом, для ранних христианских экзегетов алая лента культового животного представлялась прообразом венца Христа, получая таким образом новый мессианский и литургический смысл.

ПУРПУРНАЯ ЛЕНТА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ГРЕХИ

Как мы уже убедились, у христианских авторов можно иногда обнаружить желание связать символизм пурпурной ленты с культовыми или мессианскими отличительными признаками Христа, такими как его одеяние или венец. Подобного рода христианское понимание ленты как части культового облачения или даже самого облачения примечательным образом близко к ее интерпретации в славянском апокрифе, где пурпурная лента, по-видимому, воспринимается как одеяние, или, точнее, в Откровении Авраама (см. главу 12) она представляет собой греховное одеяние патриарха, вместилище человеческих беззаконий, надеваемое

²⁷ Stökl Ben Ezra. The Impact of Yom Kippur on Early Christianity... P. 158; M. Richard. Les fragments du commentaire de S. Hippolyte sur les Proverbes de Solomon. Le Muséon. 1966. N 79. P. 65–94 at 94.

Иаоилом на Азазеля²⁸. Сочетание различных мотивов в нашем тексте служит намеком на обряд изгнания козла отпущения, так как все действующие лица этой эсхатологической драмы наделены соответствующими ролями, напоминающими ритуал Судного дня.

Как было отмечено ранее, в Откровении Авраама Иаоил, по-видимому, представлен как небесный первосвященник, совершающий обряд над небесным козлом отпущения. Исследователи также высказывали предположение о том, что во второй, апокалиптической части текста Авраам, по-видимому, понимается как второе важное культовое животное, участвующее в ритуале праздника *Йом Кипур*, а именно козел для Яхве. Более того, в славянском апокрифе, по всей вероятности, восхождение Авраама вместе с его ангельским попутчиком на небеса представляет собой восшествие небесного первосвященника в вышнюю Святая святых, вместе с душой²⁹ принесенного в жертву козла в виде его крови. В случае, если такого рода интерпретация обрядовых действий в самом деле содержится в славянском апокрифе и Авраам в Отк. Авр., 12 действительно представляется козлом для Яхве, тогда все это описание удивительно похоже на вышеупомянутый текст из *Мишна*, *Йома*, 4:2, где первосвященник, находясь между двумя культовыми животными, возлагает совокупность человеческих грехов, символизируемую пурпурной лентой, на голову козла отпущения.

Интерпретация одеяния Азазеля в том виде, в каком она присутствует в Откровении Авраама, возможно, добавляет дополнительные оттенки

²⁸ Kulik. *Retroverting Slavonic Pseudepigrapha...* P. 20.

²⁹ О крови как душе животного/человеческого существа см.: W. Gilders. *Blood Ritual in the Hebrew Bible: Meaning and Power*. Baltimore: Johns Hopkins University, 2004. P. 12–25.

смысла к символизму культовой ленты как «облачения», а об этой ленте известно, что она была единственным тканевым «облачением», надетым на козла отпущения во время обряда искупления. Более того, если предположить, что окрашенная в пурпур шерсть на рогах козла отпущения представляет собой «облачение», то текст из *Мишны*, по-видимому, служит указанием на то, что и принесенный в жертву козел для Яхве получает свое собственное «одеяние», а именно кусок шерсти, повязываемый вокруг его шеи³⁰. Следовательно, в процессе переосмысления ритуала праздника *Йом Кипур* в Отк. Авр., 12 оба «козла» представляются получающими «облачения», так как Азазель наделяется греховным одеянием, в то время как Авраам получает ангельские ризы, снятые с того, кто прежде был обитателем небес.

В результате представленного здесь анализа можно утверждать, что в рассматриваемом нами славянском апокрифе прослеживается возможная связь между традицией интерпретации алой ленты как вместилища человеческих прегрешений и греховной одеждой, данной падшему ангелу Азазелю.

Также можно предположить, что в текстах *Мишны* алая лента воспринимается как своего рода греховное одеяние, которое козел отпущения уносит в необитаемые места, где он затем «разоблачается» храмовыми служителями, и его зловещий головной убор полностью или частично удаляется.

Важным связующим звеном между этими раввинистическими свидетельствами и Откро-

³⁰ Обсуждение о том, повязывалась ли в действительности лента на козла для Яхве, см.: Stemberger. *Yom Kippur in Mishnah Yoma*. P. 126. В Вавилонском Талмуде, *Йома*, 41б мудрецы также спорят об этом.

вением Авраама служит тот факт, что как одеяние Азазеля в славянском апокрифе, так и пурпурная лента в текстах *Мишны* воспринимаются как кусок ткани, символизирующей груз человеческих грехов. К примеру, в *Мишна, Йома*, 6:8 и *Мишна, Шабат*, 9:3 рассказ о пурпурной ленте помещается в контекст отрывка из Книги пророка Исаии, где говорится о прощении грехов. В других текстах также проводится связь между алой лентой и человеческими грехами, так как в иудейских источниках красный цвет часто ассоциируется с грехом, а белый — с прощением. В книге *Зогар II*, 20а-б предельно ясно обобщается подобного рода понимание цветового символизма:

Грех красный, как сказано: «Если будут грехи ваши, как багряное»; жертвенное животное помещается на огонь, который также красный; священник окропляет красной кровью места вокруг алтаря; но дым, поднимающийся к небесам, — белый. Так красное становится белым: знак Справедливости превращается в знак Милосердия.

Очень похожее понимание цветовой символики, по-видимому, находит свое отражение и в ритуале изгнания козла отпущения. Изменение цвета ленты с красного на белый, свидетельствующее о моменте прощения грехов сынов Израилевых, подтверждает наше предположение о связи красного цвета с грехом. В многочисленных текстах из *Мишны* и Талмуда содержатся свидетельства о том, как лента приобретала белый цвет³¹ во время ритуала изгнания козла отпущения, что означало прощение грехов народа Израиля³².

³¹ Вавилонский Талмуд, *Йома*, 67а.

³² *Мишна, Шабат*, 9:3.

Отпущение грехов могло также символизироваться через обряд развязывания пурпурной ленты в конце ритуала изгнания козла отпущения. В этой связи некоторые исследователи прежде указывали на частичное совпадение семантики формул развязывания и прощения в семитских языках, подчеркивая тот факт, что «в палестинском арамейском языке таргумов некоторые выражения, обозначающие “развязывание” (רש), также означают прощение»³³.

Более того, тесная связь между алой лентой и человеческими грехами может быть подтверждена еще и соотношением с другим важным обрядом, имевшим место в процессе празднования *Йом Кипура*, во время которого первосвященник переносил беззакония Израиля на голову козла отпущения путем возложения рук. К примеру, в Книге Левит, 16:21 содержится описание действий первосвященника, возлагающего руки на голову козла отпущения и исповедующего над ним все грехи народа Израиля³⁴.

Связь между оборачиванием головы козла отпущения алой лентой и ритуалом возложения рук, означающим перенесение грехов на голову животного, заслуживает дальнейшего рассмотрения. Джейкоб Мильгром ранее высказывал предположение о том, что обряд возложения *обеих* рук на голову культового животного представляет собой ритуал перенесения человеческих грехов. Этот исследователь отмечает следующее:

³³ Fletcher Louis. *Revelation of the Sacral Son of Man*. 284; Emerton. *Binding and Loosing — Forgiving and Retaining*. P. 329–30.

³⁴ Лев., 16:21: «...и возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедает над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным человеком в пустыню».

Тот факт, что в тексте подчеркивается исполнение обряда возложения рук двумя руками, служит ключом к пониманию роли козла Азазеля. Это не принесение жертвы, иначе возложение рук совершалось бы одной рукой. Напротив, двуручная церемония совершения обряда служит цели перенесения грехов Израиля на голову козла³⁵.

Также, по мнению Дейвида Райта, обряд возложения двух рук указывает на то, что козел отпущения представляется существом, принимающим на себя грехи. Он пишет следующее:

Возложение двух рук отличается по форме и содержанию от возложения одной руки во время жертвоприношения (см. Лев., 1:4, 3:2, 8, 13:24, 29, 33). В процессе двуручного обряда козел отпущения осознается как нечто, служащее для принятия на себя чего-либо (в данном случае как принимающий на себя грехи, см. Лев., 24:14; Чис., 27:18, 23), в то время как при одноручном обряде животное воспринимается как предназначенное для жертвоприношения и принадлежащее тому, кто его совершает...³⁶

Представляется очень важным, что как человеческие грехи, так и пурпурная лента помещаются в ходе ритуала *на голову* козла отпущения, что служит дополнительным подтверждением связи между лентой на культовом животном и грехами, которые оно должно было унести на себе в необитаемое место своего изгнания.

³⁵ Milgrom. Leviticus 1-16... P. 1041.

³⁶ D. P. Wright. The Disposal of Impurity: Elimination Rites in the Bible and in Hittite and Mesopotamian Literature. SBLDS, 101. Atlanta: Scholars, 1987. P. 17.

ПУРПУРНАЯ ЛЕНТА И МЕТАФОРЫ
ОБЛАЧЕНИЯ

Выдающиеся исследователи иудейских ритуалов ранее отмечали, что символика священных облачений играла важнейшую роль в обряде праздника *Йом Кипур*, подчеркивая таким образом трансформационную природу обряда искупления, в котором всем его участникам предстояло выйти за пределы их обычных состояний и достичь нового онтологического статуса. Антропологический смысл таких трансформаций особенно ярко выражен на примере фигуры главного действующего лица, руководившего процессом совершения обряда *Йом Кипура*, первосвященника, чья смена одежд во время обряда предвосхищает переход человечества из кожаных риз падшего существа к одежаниям света, что означает возвращение человечества в его изначальное небесное состояние, утраченное после грехопадения прародителей в Эдемском саду.

В процессе переосмысления обряда искупления, нашедшего свое выражение в более поздних апокалиптических текстах, таких как Откровение Авраама и других иудейских повествованиях о вознесении мистиков, такое онтологическое преобразование, обозначаемое переменной облачений, становится привилегией не только первосвященника, но также и его зловещего антипода. В Откровении Авраама, например, небесный козел отпущения Азазель тоже «переодевается», возвращая свои ангельские ризы и получая взамен их нечистые греховные одеяния от Иаоила.

В нашем поиске возможных истоков метафоры переодевания следует учесть, что уже в самых ранних преданиях об обряде изгнания козла отпущения, не вошедших в библейский канон, образ пурпурной ленты сопоставлен с символизмом нечистых одежаний. Так, в *Мишна*, *Йома*, 6:6, где

говорится об обращении с козлом отпущения, повествуется также о том, что его пурпурная лента оказывает воздействие на одеяния совершавшего обряд священнослужителя, делая их нечистыми. Вернемся к этому тексту:

...Он разделил пурпурную шерстяную ленту и привязал одну половину к скале, а другую половину повязал между его рогами и толкнул его сзади; и он покатился вниз, и, достигнув середины холма, козел вдребезги разбился. Он вернулся и сел под последней палаткой до наступления ночи. А с какого времени его одеяния нечисты?³⁷

Таким образом, здесь предстает особого рода зеркальное соответствие, когда «убранство» козла отпущения сопоставлено с одеянием совершавшего обряд служителя. Более того, в подобного рода свидетельствах можно обнаружить еще один отличительный признак, а именно соответствие между удалением пурпурной повязки с козла отпущения и следующим затем снятием нечистых одежд человека, совершавшего обряд³⁸. Уже в 16-й главе Книги Левит просматривается раннее свидетельство об этом процессе, так как в этом тексте содержится повеление вымыть одежды тех, кто отводил козла отпущения³⁹.

В ранних интерпретациях образного строя обряда праздника *Йом Кипур*, содержащихся в некоторых пророческих текстах, также подчеркивается важность переодевания священнослужителя в процессе его участия в ритуале изгнания козла

³⁷ Danby. The Mishnah... P. 170.

³⁸ См.: Вавилонский Талмуд, *Йома*, 67б.

³⁹ См.: Лев., 16:26: «И тот, кто отводил козла для отпущения, должен вымыть одежды свои, омыть тело свое водою и потом может войти в стан».

отпущения. Одна из таких интерпретаций отражена в Зах., 3:1–5:

И показал он мне Иисуса, великого иерея, стоящего пред Ангелом Господним, и сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему. И сказал Господь сатане: Господь да запретит тебе, сатана, да запретит тебе Господь, избравший Иерусалим! Не головня ли он, исторгнутый из огня? Иисус же одет был в запятнанные одежды и стоял пред Ангелом, который отвечал и сказал перед ним так: снимите с него запятнанные одежды; а ему самому сказал: смотри, Я снял с тебя вину твою, и облакаю тебя в одежды торжественные. И сказал: возложите на голову его чистый кидар, — и возложили чистый кидар на голову его и облекли его в одежду; Ангел же Господень стоял.

Этот отрывок изображает первосвященника, стоящего между двух созданий, одно из которых наделено Именем Божиим, а другое проклято. Вся картина в целом пронизана мотивами праздника *Йом Кипур*⁴⁰. В самом деле, отличительные характеристики повествования напоминают о некоторых описаниях действий первосвященника во время совершения обряда искупления, в котором участвуют два козла, один из которых наделяется Божественным Именем, будучи называемым козлом для Яхве, в то время как другой — проклинаяется. Более того, так же как и в Откровении Авраама, оба культовых животных представлены в пророческом повествовании как духовные создания, одно из которых является ангелом, а другое — демоном. Таким образом, они удивительно похожи на соответствующих

⁴⁰ Stökl Ben Ezra. *The Impact of Yom Kippur on Early Christianity...* P. 81; L.-S. Tiemeyer. *Priestly Rites and Prophetic Rage*. FAT, 19. Tübingen: Mohr/Siebeck, 2006. P. 248–256.

героев славянского апокрифа — Иаои́ла и Азазеля. В данном пророчестве, как и в Откровении Авраама, убранство человеческого существа со священническими функциями меняется с нечистых одежд греха на праздничный наряд. Несмотря на то что в пророчестве Захарии, в отличие от славянского апокрифа, человеческие запятнанные одежды не переносятся на демоническое существо, ритуал проклятия Сатаны, возможно, указывает на то, что вражеская сила принимает на себя нечистые одежды первосвященника.

Подобного рода ранние свидетельства перемены культовых облачений во время совершения обряда изгнания козла отпущения очень важны для нашего исследования, ибо здесь мы опять обнаруживаем уже отмеченную ранее симметрию между регалиями первосвященника и атрибутами культового животного. Так, перемена одеяний в ходе искупительного ритуала является прерогативой не только козла отпущения, но также и священнослужителя, который облачается в новые, и теперь уже золотые, наряды, после того как животное было отослано прочь⁴¹.

Одеяния тьмы

В ходе нашего исследования мы выяснили, что уже ранние рассказы о ритуале изгнания козла отпущения, содержащиеся в источниках, как вошедших в библейский канон, так и не вошедших в него, пронизаны символизмом одеяний. В некоторых текстах *Мишны* даже разрабатывается тема соответствия между пурпурной лентой козла отпущения и одеяниями священнослужителей, совершавших искупительный обряд. Подобного рода

⁴¹ Лев., 16:23–24а. См. также: Stökl Ben Ezra. *The Impact of Yom Kippur on Early Christianity...* P. 31.

развитие этой темы служит концептуальным основанием для понимания интерпретации одеяний Азазеля в Откровении Авраама; при этом истоки символизма греховного облачения падшего ангела, о котором говорится в славянском апокрифе, восходят не только к текстам Библии и *Мишны*, но также и к некоторым пророческим и апокалиптическим текстам, где ритуал изгнания козла отпущения интерпретируется в эсхатологическом ключе. Такого рода свидетельство можно обнаружить в одной из самых ранних книг, посвященных истории Еноха, в Книге Стражей, где падший ангел Азаил, понимаемый там в качестве небесного козла отпущения, «облачается» в одеяния тьмы. Так, в 10-й главе Первой книги Еноха Бог повелевает одному из своих ангельских исполнителей заключить Азаила в бездну в пустыне и покрыть его тьмой.

Хотя ученые прежде и обращали внимание на то, что мотив наказания Азаила в 10-й главе Книги Стражей напоминает ритуал изгнания козла отпущения, присутствие мотива праздника *Йом Кипур* в описании одеяний тьмы, которые получает падший ангел, осталось почти незамеченным⁴². Как и в случае с иудейским обрядом искупления, такого рода покрывание тьмой может соответствовать как обряду надевания повязки на козла отпущения, так и ритуалу перенесения на козла грехов израильтян путем наложения рук.

Важно отметить также, что в енохическом предании, как и позднее в Откровении Авраама,

⁴² Grabbe. *The Scapegoat Tradition: A Study in Early Jewish Interpretation*. P. 165–79; D. Stökl Ben Ezra. *Yom Kippur in the Apocalyptic Imaginaire and the Roots of Jesus' High Priesthood // Transformations of the Inner Self in Ancient Religions / Eds. J. Assmann and G. Stroumsa. Leiden: Brill, 1999. P. 349–366; idem. The Impact of Yom Kippur on Early Christianity...* P. 85–88.

одеяния тьмы, в которые облачается вражеская сила, соотносятся с одежаниями света, даруемыми тайнозрителям, восхищаемым в небеса. Одно из таких соотношений, по-видимому, можно обнаружить уже в 10-й главе Первой книги Еноха, где особо упоминается *лицо* падшего ангела, покрытое мраком. Подобная образность может служить инверсионным переосмыслением мотива преобразования тайнозрителей, в ходе которого «лицо» адепта становится подобным светоносному Лику Бога. Подобного рода терминология «лица» хорошо известна в иудейской апокалиптической и мистической литературе, причем такой символизм имеет отношение не только к лицу преображенного человеческого существа, но и ко всему его естеству. Процесс облачения в небесные одежания света, происходящий с главными действующими лицами апокалиптических повествований, напоминает также и о некоторых отличительных признаках праздника *Йом Кипур*, когда первосвященник во время богослужения наделялся белыми одеждами во время совершения обряда искупления.

Соответствие между демоническим одежанием тьмы и первосвященническим облачением вновь возвращает нас к упомянутым ранее христианским текстам, содержащим свидетельства интерпретации мотива пурпурной ленты, которая часто служила символом как одежания греха, которое Христос принимал на себя за человечество, так и его священнического облачения⁴³. Так, Дэниэл Штекль

⁴³ Об этом см.: D. Stökl Ben Ezra. Fasting with Jews, Thinking with Scapegoats: Some Remarks on Yom Kippur in Early Judaism and Christianity, in Particular 4Q541, Barnabas 7, Matthew 27 and Acts 27 // The Day of Atonement. Its Interpretations in Early Jewish and Christian Traditions / Eds. T. Hieke and T. Nicklas. TBN, 18. Leiden: Brill, 2011. P. 165–188 at 183.

Бен Эзра отмечает⁴⁴, что в Послании Варнавы, 7:9 алая лента, по-видимому, служит первосвященническим облачением Иисуса во время его второго пришествия. Таким образом, можно отметить, что традиция интерпретации священнической одежды Христа и ее соотношения с алой лентой указывает на тесную связь между лентой и предметами убранства священника, и эту связь мы и попытаемся далее проследить в нашем исследовании.

Алая лента козла отпущения
и налобная пластина
первосвященника

Одна из главных отличительных черт в совершении обряда праздника *Йом Кипур*, отмеченная ранее исследователями, — это инверсивное отражение свойств двух главных героев искупительного ритуала, первосвященника и козла отпущения, когда действия и атрибуты одного из участников празднества подвергаются переосмыслению и деконструкции в характеристиках другого. Учеными уже высказывалось предположение о том, что в ритуале праздника *Йом Кипур* отражена динамика двух разнонаправленных обратно-симметричных движений, одно из которых представляет собой вхождение первосвященника в Святая святых, а другое — изгнание козла отпущения в пустыню. Относительно пространственной организации такого рода культовых перемещений Дэниэл Штекль Бен-Эзра отмечает, что ритуал *Йом Кипура*...

...состоял из двух противоположных движений...
центростремительного и центробежного,
т. е. входа первосвященника в Святая святых
и изгнания козла отпущения. В качестве первого

⁴⁴ Stökl Ben Ezra. The Impact of Yom Kippur on Early Christianity... P. 154.

движения первосвященник входил в самое священное место, Святая святых Иерусалимского храма, возжигал фимиам, окроплял священное место кровью и молился ради искупления и очищения своего народа и священных установлений иудейского культа. В качестве второго движения козел отпущения, обремененный грехами народа, отправлялся в сопровождении слугителей в пустыню⁴⁵.

Принимая во внимание такого рода обратную культовую симметрию двух главных действующих лиц обряда искупления, можно предположить, что в смысл алой повязки на козле отпущения было заложено намерение деконструировать или инверсионно переосмыслить некоторые из атрибутов первосвященника. Поскольку метафоры одеяний относятся к обоим главным действующим лицам этого обряда (один участник получает одеяния света, другой — одеяния тьмы), возможно, что алая повязка козла отпущения и служила такого рода цели обратно-симметричного переосмысления облачения священнослужителя.

В более поздних раввинистических источниках, содержащих свидетельства об обряде праздника *Йом Кипур*, часто встречаются упоминания об одеяниях первосвященника, свидетельствующие о его поясе из тонкой ткани или о тюрбане из тонкой ткани на его голове⁴⁶. Один важный предмет из атрибутов священнического облачения, который, подобно зловещей алой ленте на голове козла отпущения, был помещаем на голове священнослужителя, заслуживает особого рассмотрения.

В текстах Библии, как и в источниках, не вошедших в библейский канон, часто встречаются

⁴⁵ Stökl Ben Ezra. The Biblical Yom Kippur, the Jewish Fast of the Day of Atonement and the Church Fathers... P. 494.

⁴⁶ См., например: *Таргум Псевдо-Ионафана* к Лев., 16:4.

упоминания о пластине первосвященника (רָצָף), которая была закреплена у него на лбу⁴⁷. Об этой золотой пластине с начертанным на ней Именем Божьим говорили, что она сияла подобно радуге, в результате чего при описаниях иудейских небесных⁴⁸ и земных священников часто используются образы радуги в облаках. Подобного рода метафора «радуги в облаках» известна нам по нескольким текстам, в том числе по описанию первосвященника Шимона в Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, 50:7:

Величайший из братьев и краса своего народа
Симон, сын Йоханана священника... как славен
он был, взирая из своего шатра, и когда он выхо-
дил из дома завесы; как светлая звезда посреди
облаков и как полная луна в праздничные дни;
и как солнце, изливающее свет на царский храм,
и как радуга, что появляется в небесах...⁴⁹

Важно подчеркнуть, что пластина на лбу первосвященника была украшена Божьим Именем, т. е. тем Именем, с помощью которого, согласно преданиям, Бог однажды сотворил небеса и землю. В описаниях этой пластины (רָצָף) в некоторых

⁴⁷ Исх., 39:30–31: «И сделали полированную дощечку, диадиму святыни, из чистого золота, и начертали на ней письмена, как вырезают на печати: Святыня Господня; и прикрепили к ней шнур из голубой шерсти, чтобы привязать ее к кидару сверху, как повелел Господь Моисею».

⁴⁸ См.: Иез., 1:26–28: «А над сводом, который над головами их, было подобие престола по виду как бы из камня сапфира; а над подобием престола было как бы подобие человека вверху на нем. И видел я как бы пылающий металл, как бы вид огня внутри него вокруг; от вида чресл его и выше и от вида чресл его и ниже я видел как бы некий огонь, и сияние было вокруг него. В каком виде бывает радуга на облаках во время дождя, такой вид имело это сияние кругом».

⁴⁹ C. N. R. Hayward. *The Jewish Temple: A Non-Biblical Sourcebook*. London: Routledge, 1996. P. 41–42.

поздних иудейских компендиумах, к примеру в так называемой Книге Небесных Дворцов, или *Сефер Гейхалот*, особо отмечаются демиургические функции Божьего Имени. Так, в главе 14 из *Сефер Гейхалот* содержится описание украшения налобника небесного священника Метатрона буквами Божественного Имени, которыми были сотворены небеса и земля. В 3 Енох, 13:1–2 повествуется следующее:

Рабби Ишмаэль сказал: Ангел Метатрон, князь Божественного Присутствия, сказал мне: Благодаря великой любви и милости, с которой Святой, будь Он Благословен, возлюбил и лелеял меня более всех обитателей высот, Он написал Своим Перстом, как огненным пером, на венце, который был у меня на голове: буквы, посредством которых были сотворены небеса и земля; буквы, посредством которых были сотворены моря и реки; буквы, посредством которых были сотворены горы и холмы; буквы, посредством которых были сотворены звезды и созвездия, молнии и ветер, гром и громовые удары, снег и град, ураган и буря; буквы, посредством которых были сотворены все основы мира и все порядки Творения. И каждая буква временами вспыхивала подобно молнии, временами — подобно факелу, временами — подобно пламени, временами — подобно восходу солнца, луны и звезд⁵⁰.

Образ пластины ׀ׁׂ также появляется в Откровении Авраама на ангельском первосвященнике Иаоиле в виде его головного убора, напоминавшего радугу в облаках, что заставляет нас вспомнить о подобных мотивах в Книге Премудрости

⁵⁰ И. Р. Тантлевский. Книги Еноха. Москва—Иерусалим: Гешарим, 2000. С. 190.

Иисуса, сына Сирахова, 50:7 и раввинистических источниках.

Важно также подчеркнуть, что образ пластины первосвященника часто появляется в контексте описаний ритуалов праздника *Йом Кипур*, в которых упоминается и алая повязка на голове козла отпущения. Вследствие этих культовых соответствий можно предположить, что алая лента козла отпущения понималась как своего рода обратно-симметричный символ искупления — зловещий антипод золотой пластины на голове первосвященника.

Важным связующим моментом между двумя культовыми атрибутами здесь служит то, что оба предмета помещались на головах главных действующих лиц искупительного ритуала. В тексте Исх., 39:30–31 утверждается, что пластина была закреплена на тюрбане первосвященника, и эта традиция находит свое отражение также в Откровении Авраама, поскольку в этом тексте она также появляется на голове великого ангела. Пурпурная лента также помещалась на голове козла отпущения, как это засвидетельствовано в иудейских и христианских источниках, а именно в двух текстах из *Мишна*, *Йома*⁵¹ и Послания Варнавы⁵². Более того, Ипполит Римский также говорит о венце козла отпущения из алой шерсти.

Следует отметить и то, что как алая лента на голове козла отпущения, так и γ первосвященника становятся особыми знаками состояния греха или праведности израильтян. Как упоминалось ранее, об алой ленте говорится, что она меняла цвет во время ритуала искупления, что служило знаком прощения грехов израильтян и восстановления праведности. Это метаморфоза представляла собой

51 См.: *Мишна*, *Йома*, 6:2; *Мишна*, *Йома*, 6:6.

52 Ehrman. *The Apostolic Fathers...* 2.39.

своего рода лакмусовую реакцию, показывающую изменение морального статуса израильтян. Интересно, что золотая пластина первосвященника выполняла схожую функцию. В некоторых иудейских описаниях пластины ׀ׁׂ содержится указание на то, что, подобно алой ленте, она меняла свой вид в зависимости от греховности или праведности израильтян, предстающих перед этой пластиной.

Самое подробное описание необычных свойств пластины ׀ׁׂ можно обнаружить в книге *Зогар II*, 217б, где говорится следующее:

Он открыл, говоря: *И сделали полированную пластину ׀ׁׂ, диадиму святыни, из чистого золота...* (Исх., 39:30). Приди и смотри: Почему она называется ׀ׁׂ? Хорошо, послушай. Ведь она предназначалась для того, чтобы люди на нее смотрели и были видны для нее, поэтому она называется ׀ׁׂ. Кто бы ни посмотрел на эту пластину, тотчас был узан ей. На пластине были буквы Священного Имени, написанные или выгравированные на ней. Если тот, кто стоял перед ней, был добродетельным, тогда эти буквы, выгравированные на золоте, выходили наружу снизу вверх, поднимаясь из места, где была гравировка, расходясь лучами, и освещали лицо того человека, так что в нем искрило мерцание света, и в то же время не искрило. В первый момент, когда священник смотрел на него, он видел сияние всех букв на его лице; но затем, когда он вглядывался более пристально, он видел только сияние, исходившее из лица праведника, так, как будто это было искрившееся мерцание золота. Однако священник узнавал из этого первого моментального вспыхивавшего блеска, что Благословенный Святой был рад этому человеку и что тот был предназначен для Грядущего мира, так как это видение исходило

свыше, и Благословенный Святой был рад ему. Затем, когда они смотрели на него, они ничего не видели, так как видение свыше проявлялось только на мгновение. Если человек стоял перед пластиной и на его лице не появлялось мгновенного святого видения, священник знал, что тот человек был дерзок, и он должен был обращаться с мольбой о милосердии за него и просить о его искуплении⁵³.

Следовательно, как видно из этого текста, пластина на лбу первосвященника служила указанием на праведность или греховность человека, стоящего перед священнослужителем; иначе говоря, отражение букв пластины на лице человека было разным в зависимости от его морального состояния.

Наконец, еще одно важное соответствие между пластиной первосвященника и пурпурной лентой козла отпущения состоит в том, что оба предмета связаны с Именем Божьим. Ранее высказывалось предположение о том, что пурпурная лента, представлявшая греховность Израиля, по-видимому, была тесно связана с ритуалом возложения рук, во время которого священник осуществлял обряд переноса грехов народа на голову культового животного. В случае если в самом деле обряд возложения рук и пурпурная лента были связаны между собой, то в *Таргуме Псевдо-Ионафана*, возможно, содержится предание, важное для установления концептуальной связи между пурпурной лентой и Божьим Именем. В *Таргуме Псевдо-Ионафана* на Лев., 16:21 говорится следующее:

И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, таким образом: его правая рука поверх его левой руки. Он исповедует над ним все беззакония сынов Израилевых и все

⁵³ Matt. The Zohar: Pritzker Edition... 6.240–241.

преступления их и все грехи их; он возложит их на голову козла с явной и открытой клятвой великим и славным Именем...⁵⁴

Здесь во время ритуала возложения рук в обязанности первосвященника входило не только перенесение беззаконий сынов Израилевых на козла отпущения, но также и наложение на голову культового животного, обвязанного алой лентой, великой клятвы, которая содержит в себе Имя Божье.

Имя Божье и проклятие

Несмотря на то что ранние христианские тексты не содержат прямых указаний на связь между наложением проклятий и фигурой первосвященника, в славянском апокрифе подчеркивается такая функция первосвященника, поскольку небесный священнослужитель Иаоил представлен там налагающим клятву на Азазеля во время совершения обряда перенесения грехов.

Для нашего исследования очень важен тот факт, что эти проклятия совершенно не случайно исходят от служителя храмового культа, ассоциирующегося с Божьим Именем и представленного в славянском апокалипсисе как ангельское воплощение Тетраграмматона. Этот мотив еще раз напоминает о связи первосвященника с Божьим Именем, которое было выгравировано на налобной пластине этого культового персонажа, совершавшего богослужебный обряд.

В свете вышеупомянутых традиций можно предположить, что обратно-симметричным ответствием Божьему Имени служила пурпурная лента козла отпущения, которая в *Таргуме*

⁵⁴ McNamara et al. Targum Neofiti 1, Leviticus; Targum Pseudo-Jonathan, Leviticus... P. 169.

Псевдо-Ионафана представлена как предмет, запечатленный Божьим Именем. В свете предания о наложении проклятий на голову козла отпущения прослеживается интересная взаимосвязь между наложением проклятий и наложением Божьего Имени.

Более того, эта связь между Божьим Именем и проклятиями, возможно, присутствует уже в третьей главе Книге пророка Захарии, где, как мы помним, проводится противопоставление между ангельским существом, несущим в себе Божье Имя, и вражьей силой, которая проклинается в ходе обряда. Традиция интерпретации Божьего Имени в Откровении Авраама, по-видимому, помогает далее прояснить обратно-симметричные соответствия, присутствующие в обрядах Судного дня. Там обнаруживается интересная связь между присутствием Божьего Имени на налобнике первосвященника и его аудиального антипода в виде проклятий, помещаемых на голове козла отпущения, которые в *Таргуме Псевдо-Ионафана*, 16:21 представлены как «клятва», то есть культовое изречение, возможно противопоставленное Имени Божьему⁵⁵.

В Откровении Авраама, по всей вероятности, связь между Божьим Именем и проклятием становится еще более ощутимой, так как главный культовый служитель там представлен не просто наделенным тюрбаном с золотой пластиной, на которой выгравировано Имя Божие, но как само воплощение этого Имени, ведь в данном тексте великий ангел изображается как манифестация

⁵⁵ Одевание проклятиями представляет собой интересную параллель преданиям об одевании Именем Моисея и Иисуса. Об этих преданиях см.: J. Fossum. *The Name of God and the Angel of the Lord: Samaritan and Jewish Mediation Concepts and the Origin of Gnosticism*. WUNT, 36. Tübingen: Mohr/Siebeck, 1985. P. 76–112.

«Моего [Божьего] непроизносимого Имени»⁵⁶. Но даже и без этого объяснения впечатляющих обязанностей этого ангела само его имя Иаоил уже вполне ясно определяет его как ангельского носителя Тетраграмматона. Проклятия в адрес козла отпущения поэтому исходят буквально из самой глубины ипостасного аудиального самовыражения Бога, еще раз подчеркивая, что эти проклятия, возможно, представляют из себя инверсионное аудиальное соответствие Божьему Имени. Подобное противопоставление служит важным отличительным признаком, свидетельствующим об аудиальной идеологии, доминирующей в славянском апокрифе. Более того, такое очевидное противопоставление двух аудиальных символов — Имени и проклятия, — возможно, парадоксальным образом отражает изначальную аудиальную культовую симметрию двух козлов, используемых во время совершения обряда праздника *Йом Кипур*, когда одно животное проклиналось, а другое наделялось Божьим Именем, будучи обозначаемым как козел для Яхве⁵⁷.

Несмотря на то что в славянском апокрифе содержатся только намеки на глубинную связь между этими двумя культовыми аудиальными выражениями, в ранних текстах о Енохе, оказавших самое значительное влияние на мир богословских идей

⁵⁶ Неизрекомаго имени моего (слав.). Rubinkiewicz. L'Apocalypse d'Abraham en vieux slave... P. 128; Philonenko-Sayar and Philonenko. L'Apocalypse d'Abraham. Introduction, texte slave, traduction et notes... P. 58.

⁵⁷ О христианском переосмыслении традиции проклятия козла отпущения и применении этого понятия к миссии Христа в Гал., 3:13–14 см.: D. R. Schwartz. Two Pauline Allusions to the Redemptive Mechanism of the Crucifixion. JBL. 1983. N 102. P. 259–283; Stökl Ben Ezra. Fasting with Jews, Thinking with Scapegoats: Some Remarks on Yom Kippur in Early Judaism and Christianity, in Particular 4Q541, Barnabas 7, Matthew 27 and Acts 27... P. 176.

Откровения Авраама, содержатся свидетельства более тесных концептуальных связей между Божьим Именем и проклятием падшего ангела.

ПРОКЛЯТИЕ ПАДШИХ АНГЕЛОВ

В нашем исследовании мы постарались показать, что в славянском апокрифе образ козла отпущения переосмыслен в ключе иудейской ангелологии. Подобного рода ангелологическая реинтерпретация отнюдь не уникальна; напротив, как уже отмечалось ранее в нашем исследовании, такое понимание уходит своими глубокими корнями в апокалиптическую герменевтику образа козла отпущения, отраженную уже в ранних повествованиях о Енохе. В одном из таких самых ранних енохических произведений, Книге Стражей, обряд изгнания козла отпущения получает новую эсхатологическую интерпретацию благодаря привнесению некоторых деталей священного ритуала в ткань истории его главного злоумышленника, а именно падшего ангела Азаила. В 1 Енох, 10:4–7 отрывок, уже приведенный на с. 43 нашей книги, представляет собой важное связующее звено в развитии изучаемой нами концепции.

Выдающиеся исследователи апокалиптических преданий убедительно доказали, что некоторые детали рассказа о наказании Азаила напоминают ритуал изгнания козла отпущения, указав на ряд соответствий между повествованием об Азаиле в Первой книге Еноха и преданиями Судного дня, в том числе на сходство имен Азаила и Азазеля; наказание изгнанием в пустыню; перенос грехов на Азаила/Азазеля и вследствие этого исцеление земли.

Несмотря на то что исследователи нередко с готовностью принимались за изучение вышеупомянутых соответствий между ритуалом искупления

и апокалиптическими повествованиями, они игнорировали один важный аспект в образном строе ритуала изгнания козла отпущения, содержащийся в книгах о Енохе, а именно проклятия, которые ассоциируются с падшими ангелами и их главарями. Уже в Книге Стражей образы Азаила и его мятежных попутчиков тесно связаны с мотивами проклятий, что представляет собой важное связующее звено, учитывая ту роль, которую проклятия играли в традиции ритуала изгнания козла отпущения.

Символизм проклятия охватывает уже первые главы истории об ангельских Стражах, где повествуется об их приготовлении к сошествию на землю. В 1 Енох, 6:1–7 говорится:

И случилось: после того как сыны человеческие умножились, в те дни у них родились красивые и прелестные дочери. И ангелы, сыны неба, увидели их и возжелали их, и сказали друг другу: «Давайте выберем себе жен в среде сынов человеческих и родим себе детей!» И Семъйяза, начальник их, сказал им: «Я боюсь, что вы не захотите привести в исполнение это дело и только я один должен буду искупать тогда этот великий грех». Тогда все они ответили ему и сказали: «Мы все поклянемся клятвою и обяжем друг друга заклетами — не оставлять этого намерения, но привести его в исполнение». Тогда поклялись все они вместе и обязались в этом все друг другу заклетами; было же их всего двести. И они спустились на Ардис, который есть вершина горы Ермон; и они назвали ее горою Ермон⁵⁸,

⁵⁸ О термине «Ермон» как обыгрывании *др.-евр.* ערמון — «налагать клятву» см.: Nickelsburg, 1 Enoch 1... P. 177; K. A. Morland. The Rhetoric of Curse in Galatians: Paul Confronts Another Gospel. Atlanta: Scholars, 1995. P. 89.

потому что поклялись на ней и изрекли друг другу заклятия⁵⁹.

Находясь на границе небесных и земных царств, границы, представленной вершиной горы Ермон, группа мятежных ангелов принимает судьбоносное решение: для того чтобы разделить ответственность за их рискованные действия, их ангельские вожаки требуют, чтобы все они связали друг друга клятвами. Это удивительное деяние «связывания» заклятиями перед вхождением в нижние земные реалии, по-видимому, наполнено культовым смыслом, напоминая нам о некоторых элементах обряда изгнания козла отпущения, во время которого животное сначала «связывалось» пурпурной лентой, а затем проклиналось в процессе приготовления его к уходу в нижние регионы, символами которых служили пустыня и горный утес. Рассматриваемый нами мотив напоминает также и о судьбе Азазеля в Откровении Авраама, где падший ангел, прямо перед его изгнанием на землю, проклиняется Иаоилом и Авраамом.

Связывание Стражей клятвами перед их сошествием на землю в 1 Енох, 6 также представляет собой любопытную параллель со связыванием Азаила, описание которого содержится далее в тексте 10-й главы Первой книги Еноха, где мятежный ангел связывается ангельским священником перед его изгнанием в подземную бездну.

ДЕМИУРГИЧЕСКОЕ ПРОКЛЯТИЕ и Имя БОЖЬЕ

Интересно отметить, что в 6-й главе Первой книги Еноха содержится упоминание не только проклятия, но и клятвы. В этом тексте представлены

⁵⁹ Смирнов. Ветхозаветные апокрифы... С. 23–24.

падшие ангелы, «клянущиеся клятвой», при этом «связывающие друг друга проклятиями». Две эти фразы постоянно идут рука об руку в Книге Стражей. Ученые прежде уже отмечали эти соответствия⁶⁰. Учитывая, что эти концепции клятвы и проклятия связаны между собой и даже взаимозаменяемы, можно обнаружить важную связь между символизмом проклятия и концепцией Божьего Имени. Здесь следует также заметить, что такая же связь, возможно, прослеживается и в Откровении Авраама, где проклятия Азазеля исходят из уст Иаои́ла, ангельского создания, представляющего Имя Божье.

Эта связь между Именем Божьим и проклятием падшего ангела (или ангелов), возможно, уже лежит в основе повествования об ангелах в Первой книге Еноха, в которой проклятие/клятва Стражей, по-видимому, обладает той же демигической силой, что и Божье Имя. Здесь, как и в случае с пурпурной лентой козла отпущения и пластиной первосвященника, прослеживается тесная связь между двумя духовными силами, божественной и демонической, и их похожими атрибутами.

Для понимания концептуальной связи между силой демонической клятвы и Божьим Именем следует вновь обратиться к 6-й главе Первой книги Еноха, в которой падшие ангелы представлены связывающими друг друга таинственными проклятиями. Несмотря на то что в Книге Стражей не просматривается явной прямой связи между клятвой/проклятием и Божьим Именем, в пересказе истории Стражей в Книге Притч можно обнаружить намеки на такую возможность. В 1 Енох, 69:2–20

⁶⁰ A.Y. Reed. *Fallen Angels and the History of Judaism and Christianity: The Reception of Enochic Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 254.

содержится дополнительная информация о великой клятве Стражей:

И вот имена тех ангелов, и это имена их: первый из них Семъяза... И это число Кесбеела, который показал святым главу клятв, когда он жил высоко вверху во славе, и имя ее... И этот ангел сказал святому Михаилу, чтобы он показал им сокровенное имя Божие, дабы они видели то сокровенное имя и упоминали его при клятве, чтобы содрогались пред этим именем и клятвою те, которые показали сынам человеческим все, что было сокрыто. И такова сила той клятвы, ибо она сильна и могущественна, и Он положил эту клятву Акаэ в руку святого Михаила. И таковы тайны этой клятвы, и они (тайны мира) утверждены через его клятву, и силою ее небо повешено прежде, чем создан мир, и до века. И через нее была основана земля на воде, и силою ее выходят из сокровищницы горы прекрасные воды для живущих от сотворения мира до века. И через ту клятву было сотворено море, и, как его основание, Он положил ему на время ярости песок, и оно не должно преступать его от сотворения мира до века. И через ту клятву основания земли утверждены, и стоят, и не движутся с своего места от века до века. И через ту клятву совершают свое движение солнце и луна и не отступают от предписанного им от века до века⁶¹.

В этом тексте, как и в 6-й главе Первой книги Еноха, мы вновь встречаем знакомые имена падших ангелов, несущих ответственность за развращение допотопного человечества, а также мотив их клятвы. При этом, в отличие от Книги Стражей, здесь клятва служит не просто знаком обязательства, а инструментом творения,

⁶¹ Смирнов. Ветхозаветные апокрифы... С. 65–57.

с помощью которого Бог однажды создал небо и землю⁶². В 1 Енох, 41:5 вновь подтверждается важность этой клятвы для судьбы всего творения, с намеком на то, что различные стихии творения созданы для того, чтобы существовать и быть связанными этой демиургической клятвой. В этом тексте представлены небесные светила (солнце и луна), хранящие верность своему ходу на небесах в соответствии с клятвой, которой они поклялись⁶³. В Книге Юбилеев⁶⁴, важном раннем тексте, испытавшем влияние енохической традиции, также нашла свое отражение идея того, что демиургическая клятва была некогда использована Богом в процессе сотворения мира, и с тех пор ее предназначение — хранить творение в надлежащем порядке. Следует отметить, что уже в некоторых ранних текстах, таких как 1 Енох, 41, демиургическая клятва функционирует как замещающая Божье Имя. В более поздних раввинистических текстах содержатся многочисленные рассуждения о демиургических функциях Тетраграмматона и букв, из которых он состоит, где они зачастую интерпретируются как инструменты, с помощью которых был сотворен мир⁶⁵. В такого рода преданиях заповедь Бога ׀יׁ, произносимая Им несколько раз при сотворении

⁶² См.: С. Kaplan. The Hidden Name. JSOR. 1929. N 13. P. 181–84; Olson. Enoch. A New Translation... P. 271.

⁶³ См. 1 Енох, 41:5: «И я видел хранилища солнца и луны, откуда они выходят и куда возвращаются, и их славное возвращение; и я видел, как одно (то есть солнце) имеет преимущество пред другой, видел и их определенное движение, как они не престопают пути, ничего не прибавляя к своему пути и ничего не убавляя от него, и соблюдают верность между собою, сохраняя клятву». Смирнов. Ветхозаветные апокрифы... С. 46.

⁶⁴ См.: Юб., 36:7.

⁶⁵ См.: Fossum. The Name of God... P. 253–256.

мира, интерпретируется как аббревиатура Божьего Имени⁶⁶.

Удивительным образом в рассказе о падших ангелах в 1 Енох, 69 также предпринимается попытка негативного переосмысления этого демиургического понимания Имени/Клятвы путем вкладывания его в руки небесных мятежников. В этом отношении в 1 Енох, 69 представлено разъяснение первоначально туманных аллюзий на демиургическую силу великой клятвы/проклятия. Более того, завуалированные намеки подобного же рода, возможно, содержатся уже в 6-й главе Первой книги Еноха в виде аллюзии, присутствующей в самом имени одного из вожаков ангельских Стражей — Шемихазы (שמחזי), который часто интерпретируется учеными как обладатель или созерцатель Божественного Имени⁶⁷. Демиургические коннотации в имени главного руководителя группы падших ангелов, по-видимому, отнюдь не случайны, принимая во внимание непоправимый ущерб, который эта группа небесных бунтарей была способна нанести творению Божьему, вынудив Бога стереть эту извращенную реальность Потопом.

Еще одно имя — Азаил (אזאיל), второго руководителя падших Стражей, — также несет в себе подобного же рода демиургические коннотации, так как само это имя часто переводится учеными

⁶⁶ В палестинских *таргумах* высказывание יְהוָה, произносимое Богом в процессе творения, часто отождествляется с Тетраграмматомом. Об этом предании см.: Fossum. *The Name of God...* P. 80.

⁶⁷ Ангельское имя שמחזי часто переводится исследователями как «Имя видит» или «он видит Мое Имя». Ученые часто отождествляют это имя как Божественное Имя. Об этом см.: Milik. *The Books of Enoch...* P. 152; S. Uhlig. *Das äthiopische Henochbuch*. JSHRZ, 5.6. Gütersloh: Gütersloher Verlaghaus, 1984. P. 516.

как «Бог создал»⁶⁸, таким образом подтверждая его связь с «демиургической» задачей падших ангелов, решивших переделать земное устройство и само человечество раскрытием ему небесных тайн и установлением брачных союзов между небесными и земными созданиями.

В рассматриваемом нами контексте клятва, изреченная падшими ангелами со специфическими демиургическими именами, намеревающимися переделать устройство мира, функционирует как любопытная параллель к клятве Создателя. Это соответствие, однако, как и прежде рассмотренные атрибуты, имеет инверсивный характер. В то время как демиургическая сила Божьего Имени создает мир и поддерживает его гармоничное существование, клятва Стражей создает хаос, позволяя этим негативным демиургическим силам разомкнуть скрепы мироздания для того, чтобы изменить сотворенный порядок. Благодаря этой клятве ангелы также получают невероятную возможность доступа к глубочайшим тайнам мироздания, обретая способность имитации творческих сил Бога. В поздних раввинистических источниках о таких ангелах часто говорится, что они буквально «падали вниз с открытыми глазами».

В то время как возможность ангельского обладания демиургическим Именем довольно туманно выражена в ранних историях о Енохе, в более поздних источниках этот мотив выходит на первый план. Так, например, в позднейших иудейских и мусульманских текстах «могучие» деяния Шемихазы и Азила часто напрямую связываются с их обладанием Божьим Именем. Иногда они даже представлены

⁶⁸ См.: G. A. Barton. The Origin of the Names of Angels and Demons in the Extra-Canonical Apocalyptic Literature to 100 A.D.. JBL. 1912. N 31. P. 156–167 at 163; Milik. The Books of Enoch... P. 153.

как те, кто незаконно раскрывает тайну Божьего Имени человеческим существам.

Исследователи уже отмечали ранее, что в 1 Енох, 8:3 имена падших ангелов указывают на характер запретного откровения, которое данный ангел открывает человечеству⁶⁹. В этом отношении, по-видимому, совсем не случаен тот факт, что в поздних текстах, повествующих о Стражах, Шемихаза часто представляется ответственным за раскрытие запретного знания о Божьем Имени. Например, в *Мидраше Шемхазая и Азаила*, 3–5 падший ангел учит девушку по имени Эстера Неизреченному Имени. В этом тексте говорится следующее:

Они сказали перед Ним: «Дай нам Твое согласие и позволь нам спуститься к творениям (и жить среди них), и тогда Ты увидишь, как мы будем славословить Твое имя». Он сказал им: «Спуститесь и живите среди них»... Тотчас Шемхазай увидел девушку по имени Эстера; устремив свой взор на нее, он сказал: «Послушай мою (просьбу)». Но она сказала ему: «Я не буду тебя слушать, пока ты не научишь меня Имени, с помощью которого ты можешь вознестись на небеса, как только ты упомянешь его». Он научил ее Неизреченному Имени...⁷⁰

В поздних мусульманских преданиях о падших ангелах, отраженных в тафсирах, можно обнаружить похожие описания Шемихазы и Азаила как

⁶⁹ M. Knibb. *The Ethiopic Book of Enoch: A New Edition in the Light of the Aramaic Dead Sea Fragments*. 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1978. Vol. 2. P. 69.

⁷⁰ Milik. *The Books of Enoch*... P. 327. Предания о падших ангелах, отраженные в тафсирах и других мусульманских источниках, повествуют о сходных традициях. Об этом см.: Ф. Абдуллаева. *Персидская кораническая экзегетика: Тексты, переводы, комментарии*. С.-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2000.

правонарушителей, ответственных за незаконное раскрытие Имени Божьего женщине по имени Зухра⁷¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В главах 12-й и 13-й Откровения Авраама, в которых небесное создание, названное Именем Божиим, учит юного героя веры наложению ритуальных проклятий на небесного козла отпущения, содержится важное концептуальное смысловое ядро

71 «Они избрали троих ангелов — ‘Аза, ‘Азайа и ‘Азайла. Господь Всевышний сделал их людьми по натуре и послал на Землю, чтобы они вершили суд среди людей. ‘Азайла, поскольку понял, что не сможет удержаться от греха, попросил покаяния, и Господь Всевышний забрал его на небеса. ‘Аза и ‘Азайа же остались. Днем они вершили суд среди жителей Земли, а на ночь они возносились на небо при помощи Главного имени Господа и поклонялись Ему среди ангелов. Прошло некоторое время. И вот к ним в суд явилась женщина. Она происходила из рода Нуха, да пребудет над ним мир, звали ее по-арабски Зухра, а по-персидски — Байдухт и Нахйд. Пришла она с жалобой на мужа, которого не любила. Женщина та была в высшей степени прекрасна. Как только ‘Аза и ‘Азайа взглянули на нее, они поддались искушению и сказали: “Мы разведем тебя с твоим мужем!” И она договорилась с ними о встрече в безлюдном месте. Когда они удовлетворили ее прошение, она сказала им: “Я не буду чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока вы не убьете моего мужа”. И они его убили. Женщина сказала: “Осталось еще кое-что. Я идолам поклоняюсь. И чтобы я стала вашей, вы тоже должны поклониться идолам!” Они сказали: “Не приведи Аллах, чтобы мы поклонились идолам!” Но она уже поняла, что владеет их сердцами, и сказала: “Если не будете поклоняться идолам, то хотя бы вина выпейте!” Вожделея ту женщину, они выпили вина и опьянели. А женщина открылась им, всячески украшенная. Когда они исполнили ее требование, она сказала: “Научите меня тому Главному имени Господа Всевышнего, которое вы знаете!” И они ее научили. Зухра произнесла его и вознеслась на небо, оставив их внизу». Абдуллаева. Персидская кораническая экзегетика... С. 31.

этого славянского апокрифа, пронизанного аудиальной идеологией Имени Божьего. Руководствуясь этой идеологической установкой, автор славянского апокрифа пытается противопоставить антропоморфному пониманию Бога Его аудиальное выражение, являющее себя через Его Голос и Имя. Подобная эстетика Богоявления пронизывает описания и главных героев повествования. Так, например, Иаоил, небесный первосвященник и ангельское воплощение Божьего Имени, играет в этом источнике ключевую роль, манифестируя таким образом скрытые аудиальные потенции ритуала праздника *Йом Кипур*. Этот загадочный посланник Бога, совершающий обряд искупления, здесь не просто наделен золотой пластиной с начертанным на ней Именем Божьим, а сам является воплощением Тетраграмматона. Подобным же образом и другие аудиальные аспекты обряда искупления, уже прежде обозначенные в библейских и апокалиптических интерпретациях праздника *Йом Кипур*, занимают свои новые концептуальные позиции в славянском апокрифе в их связи с ключевой фигурой небесного священнослужителя.

В этом отношении очень важно отметить, что, несмотря на то что Библия и *Мишна* не говорят ничего относительно обязанностей первосвященника в процессе наложения проклятий на козла отпущения, в Откровении Авраама исполнение этих обязанностей открыто приписывается небесному первосвященнику Иаоилу.

В Откровении Авраама также можно обнаружить и еще один важный аспект этой темы, а именно развитие предания об инверсионном антиподе аудиального выражения Бога. Обсуждавшаяся ранее связь между Божьим Именем и проклятием, по-видимому, появляется уже на ранних стадиях формирования культовой симметрии двух козлов, участвовавших в обряде праздника *Йом Кипур*,

когда одно животное проклиналось, а другое наделялось Божьим Именем, будучи обозначаемым как козел для Яхве. В Откровении Авраама с его верным следованием енохическим преданиям, особенно в передаче демонологических традиций, проклятие еще более отчетливо идентифицируется как инверсионное соответствие Божьему Имени благодаря связи ангельского носителя Божьего Имени с проклятиями, налагаемыми на козла отпущения. Здесь не просто козел, наделенный Именем Божьим, служит соответствием проклятому животному, а само ипостасное Божье Имя представляет собой пару Азазелю. В этой загадочной культовой драме, однако, остается непроясненным один вопрос, а именно: не служило ли такое парадоксальное противопоставление небесного козла отпущения воплощенному проявлению Божьего Имени в форме Иаои́ла цели изображения самого Азазеля как своего рода инверсионного носителя Божьего Имени, подобно Шемихазе в ранних рассказах о Енохе? К сожалению, автор Откровения Авраама не дает нам ясных ответов на этот вопрос.

ПИЩА АЗАЗЕЛЯ В ОТКРОВЕНИИ АВРААМА¹

...после того как Бог сбросил вниз Уззу и Азаила, изгнав их из мест высшей святости, они грешили с дочерьми человеческими и совратили мир. Может показаться странным, что, будучи ангелами, они могли обитать на земле. Правда же, однако, состоит в том, что, когда они были изгнаны и сброшены вниз, небесный свет, до того питавший их, покинул их, и они претерпели изменение, опустившись на одну ступень бытия ниже из-за влияния воздуха этого мира. Подобным же образом и манна, спустившаяся ради сынов Израилевых в пустыне, изначально была небесной росой в самом потаенном месте, и ее свет излучался на все миры и на «яблоневые сады», и ангелы небесные питались ей, но, когда она приблизилась к земле, она материализовалась из-за влияния воздуха этого мира и утратила свое сияние, превратившись лишь в нечто подобное «кориандровому семени».

Зогар III, 208a

ВВЕДЕНИЕ

В большей части Откровения Авраама представлено описание тайн, открытых Аврааму после его

¹ Перевод с английского языка выполнен Ириной Колбутовой по публикации: A. Orlov. The Nourishment of Azazel // A. Orlov. Divine Scapegoats: Demonic Mimesis in Early Jewish Mysticism. Albany: SUNY, 2015. P. 75–102.